

ИВАН
ФРАНКО

ИЗБРАННОЕ

ИВАН ФРАНКО

ИЗБРАННОЕ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1956

Перевод с украинского

Редакция и послесловие
Б. А. ТУРГАНОВА

РАССКАЗЫ

КАМЕНЩИК

Ах, этот стук, звон, эти крики на улице перед самым моим окном, они изгоняют любую мысль из головы, не дают мне и минуты покоя, отрывают от работы. И некуда мне деваться, некуда скрыться от этого невыносимого стука: с утра до вечера он не умолкает, а когда я ложусь спать, измученный дневным зноем, я слышу его отчетливо даже во сне. И так уже целых два месяца, подумайте только! С тех пор, как перед моими окнами начали строить этот злосчастный каменный дом, я не написал ни одной строчки и у меня в ушах не переставало звенеть и стучать.

Не в состоянии что-нибудь делать сам, сижу день-деньской у окна и смотрю, как трудятся другие. Зрелище движения, беготни, работы нескольких десятков людей, которые снуют и копошатся в этой тесноте, точно муравьи в муравейнике, смягчает мое нервное возбуждение. Я успокаиваюсь, глядя, как мало-помалу под руками этой массы рабочего люда растет, большой каменный дом, как поднимаются ввысь его стены, как шипит и дымитесь известь, которую гасят в больших дощатых ящиках и спускают затем в ямы, как каменщики

обтесывают кирпичи, прилаживая их к надлежащему месту, как женщины и девушки носят цемент в ведерках, надетых на палку, как подручные, согнувшись в дугу, на деревянных носилках, ярмом положенных на оба плеча, ташат вверх по лесам кирпич. Весь тяжкий, повседневный труд этих людей проносится передо мною каким-то смутным облаком, и, слыша их крики, шутки и разговоры, я забываю о себе, словно тону в безбрежном, непроглядном тумане, и быстро, неуловимо текут час за часом, день за днем.

Только подрядчики своим криком, бранью, своими угрозами, издевательством над рабочими и самоуправством вырывают меня из этого непроглядного тумана, напоминают о живой, гнусной действительности. Их всего двое, а между тем кажется, что они всюду и везде; рабочие замолкают и съеживаются, едва кто-нибудь из них проходит. Ничем им не угодишь, всё не по ним, по каждому поводу у них наготове ругань, готово злобное, презрительное слово. А пусть только кто-нибудь из рабочих посмеет ответить, защищаться или вступить за товарища — сразу лицо господина подрядчика наливаясь кровью, изо рта брызжет слюна, и достается же тогда от него виновному! И хорошо еще, если ему позволят все это стерпеть, если тут же не прогонят с работы! Ведь они здесь полные хозяева, их власть над рабочими безгранична, а выгнав одного, они тут же найдут взамен четверых, которые еще проситься будут на место уволенного. О, нынешним летом для подрядчиков раздолье! Только выбирай и из платы урывай сколько хочешь, — ничего не скажут рабочие, а если кто вздумает пожаловаться архитектору — вон его, пускай подыхает с голоду, раз не хотел быть покорным!

Однажды, когда я, как обычно, сидя у окна, наблюдал за работой, вдруг поднялся крик на фасадной стене. Из-за чего — я не видел, заметил только, как подрядчик кинулся к одному из рабочих, высокому, хмурому каменщику средних лет, и начал его честить последними словами. А тот — ничего, наклонился и продолжает свое дело. Но подрядчика это упорное, угрюмое молчание разъярило еще больше.

— Ты, вор, босяк, арестант, сейчас же убирайся отсюда! — кричал взбешенный подрядчик, наскakiвая на рабочего.

Я видел, как хмурое, склоненное над кирпичом лицо каменщика становилось все краснее, точно жаром наливалось. Он стиснул зубы и молчал.

— Сто раз я тебе буду говорить, ты, висельник, голодранец, разбойник, а? Марш отсюда, сейчас же убирайся, а то прикажу вышвырнуть!

Рабочий явно боролся с собою; лицо его даже посинело. Наконец, не меняя позы, только чуть подняв голову, он медленно, с невыразимым презрением в каждом звуке, процедил:

— Мужик и будет мужиком! Хам — хамом! Не дай боже из мужика — пана!

Подрядчик на мгновение точно застыл при этих словах. Видимо, присловье каменщика поразило его в самое больное место: он был из селян и теперь, став «господином подрядчиком», весьма стыдился своего происхождения. Поэтому, после минутного оцепенения, он взорвался, как паровой котел.

— Так? Так ты со мной? погоди же, я тебе покажу! Я тебя проучу! Марш!

Рабочий не двигался с места и продолжал работать.

— Убирайся, бунтовщик! Катись ко всем чертям, не то велю полицию позвать!

Рабочий упорно постукивал молотком о кирпич. Тогда подрядчик подскочил к нему, вырвал у него молоток из рук и швырнул на мостовую. Возмущенный каменщик заскрежетал зубами и выпрямился.

— Хам! — крикнул он. — Какого дьявола ты ко мне прицепился? Чего тебе от меня надо?

— А, так ты грозишь! — рявкнул подрядчик. — Караул! Караул! Разбой!

На этот крик прибежал второй подрядчик, и они соединенными силами набросились на каменщика. Тот не защищался. Удары посыпались на его спину; провожаемый пинками, немой от ярости и отчаянья, он сошел с лесов и вскинул на плечо свой мешок с инструментами.

Остальные рабочие, видевшие всю эту сцену, молча продолжали работать, нагнувшись над кладкой и стиснув зубы. Никто из них не проронил ни слова.

— Чем хама ни масти, все навозом будет нести! — крикнул каменщик на прощанье, уже с улицы. На лице его снова показалась принужденная усмешка, но в то же время слезы блеснули на глазах.

— Ты еще свернешь себе шею, бунтовщик, довбушук¹ проклятый! — крикнул подрядчик сверху и погрозил уходящему кулаком.

На следующий день я встал рано и выглянул в окно. На улице было еще тихо. Рабочие только еще сходились «на фабрику». Я очень удивился, заметив среди них уволенного вчера каменщика. С любопытством я стал смотреть, что будет, когда придет подрядчик. Другие рабочие изредка переговаривались между собой, а к уволенному и вовсе никто не подходил, он стоял особняком у забора. Но вот и подрядчик пришел, пыхтя почему-то, как кузнечный мех. Он быстро оглядел рабочих; его гневный взгляд остановился на выгнанном вчера каменщике.

— А ты, бунтовщик, опять здесь? Ты тут зачем? Кому ты нужен?

— Господин подрядчик, — произнес рабочий, делая два шага вперед (среди общей тишины слышно было, как дрожит его сдавленный голос), — господин подрядчик, опомнитесь. Что я вам сделал? За что вы меня хлеба лишаете? Ведь вы знаете, что я теперь работы нигде не найду, а дома...

— Марш отсюда, арестантская морда! — заревел подрядчик, которому нынче так же не по нраву пришла покорность, как вчера упорное, хмурое молчание.

Каменщик повесил голову, взял подмышку свой мешок с инструментами и пошел.

Целую неделю после того я каждое утро наблюдал из окна ту же сцену. Уволенный каменщик, как видно, нигде не мог найти работы и каждое утро приходил просить подрядчика, чтобы тот взял его обратно. Но подрядчик был тверд, как камень. Никакие просьбы, никакие заклинания не трогали его, и чем больше каменщик гнул перед ним спину и чем ниже кланялся, чем глубже западали его потускневшие глаза, тем больше надувался спесью подрядчик, тем более обидными и презрительными словами поносил несчастного рабочего. А тот, бедняга, после каждого отказа только стискивал зубы, молча брал подмышку свой мешок и убегал без оглядки, словно от какого-то страшного искушения, которое так и толкало его на дурное дело.

Было это вечером, в субботу. Внезапный дождь захватил меня на улице, и я принужден был укрыться в

ближайшем трактирчике. В трактире было пусто; грязная, сырая комната была слабо освещена одной лампой, печально покачивавшейся под потолком, а за стойкой дремала старая толстая еврейка. Оглядевшись по сторонам, я — вот чудеса! — за одним столом увидел знакомого каменщика рядом с его заклятым врагом подрядчиком. Перед каждым из них стояла до половины отпитая кружка пива.

— Ну, дай нам боже, кум! — сказал каменщик, стукнув своей кружкой о кружку подрядчика.

— Дай боже и вам! — отвечал тот тоном несколько более мягким, чем на улице, за работой.

Меня заинтересовала эта странная дружба. Я спросил себе кружку пива и сел поодаль, в другом конце комнаты, за столом в углу.

— Что ж, кум, — говорил каменщик, с явным трудом стараясь поддерживать свободный тон, — нехорошо это, что ты так на меня взъелся, ей-богу, нехорошо! За такие дела, кум, бог наказывает! — Говоря это, он постучал кружкой о стол и заказал еще пару пива.

— Ведь ты, кум, знаешь, что у меня дома, какая нужда! Нечего тебе и говорить. Жинка хвора, заработать не может, а тут еще я, по твоей милости, целую неделю без гроша!.. Будь я еще один, уж потерпел бы как-нибудь. А то, видишь, хвора жинка, да и эти козявки бедные, уже еле ползают, пищат — хлеба просят... Сердце разрывается, кум, ей-богу, разрывается! Я ведь им, как-никак, отец!

Подрядчик слушал эту речь, опустив голову и кивая, точно в дремоте. А когда хозяйка принесла пиво, первый взял кружку, стукнул ею о каменщикову и сказал:

— За здоровье твоей жены!

— Дай боже и тебе здоровья, — ответил каменщик и отпил глоток. По его лицу видно было, с какой неохотой губы его касались напитка. Ах, может быть, на него пошел последний грөш из занятого четыре дня назад гульдена, который должен был прокормить всю его несчастную семью до лучших дней, потому что другой, бог его знает, удастся ли еще занять! А теперь он на последние гроши угощает своего врага, чтобы хоть так его задобрить!

— И еще ты, кум дорогой, рассуди по совести, — что я тебе такого сделал? Что со злости грубое слово ска-

зал?.. А ты-то мне сколько наговорил! Ей-богу, кум, нехорошо так обижать бедного человека!

Кум, выпив пиво, снова опустил голову и кивал ею, будто дремал.

— Так уж, — несмело заговорил каменщик, — сделай одолжение, в понедельник... того... Сам видишь, куда бедному человеку деваться? Неужто так всем и пропадать, с жинкой и детьми?

— Ну как, скажешь, чтоб дали еще кружку этой пены? — прервал его подрядчик.

— А как же, а как же! Эй, еще кружку пива!

Хозяйка принесла пиво, подрядчик выпил и обтер усы.

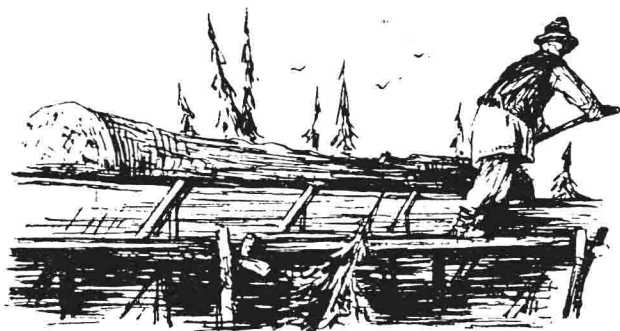
— Ну, так как же будет? — спросил тревожно каменщик, стараясь ухватить подрядчика за руку и заглядывая ему в лицо.

— Как будет? — ответил тот холодно, вставая и собираясь уходить. — Спасибо тебе за пиво, а на работу в понедельник тебе приходить незачем, я уже принял другого. А впрочем (эти слова он произнес уже у самых дверей), мне таких бунтовщиков, таких висельников, как ты, не требуется!

И подрядчик одним прыжком выскочил на улицу и захлопнул за собой дверь трактира.

Несчастный каменщик стоял, как громом пораженный.

Долго оставался он неподвижен, не зная, должно быть, что и подумать. Потом очнулся. Какая-то дикая мысль мелькнула у него в голове. Он одной рукой схватил стол, за которым сидел, тут же отломил у него ножку, а затем запустил ею в стойку. Звон, грохот, треск, крик еврейки, возгласы сбегающихся людей, голос полицейского — все мгновенно слилось в одну дикую, оглушительную симфонию. Через минуту несчастный каменщик оказался в толпе ревуших и визжащих лавочников, которые с отчаянными воплями отдали «полоумного и бесноватого разбойника» в руки полицейского. Грозный страж общественного спокойствия схватил его за шиворот и толкнул перед собой. Рядом с полицейским поплелась еле живая от страха трактирщица, оставив вместо себя за стойкой какую-то другую еврейку, и окружившая их с криками и воплями огромная толпа уличных оборванцев повалила в полицию.

САМ ВИНОВАТ

I

«Назначен к продаже с торгов надел по реестру за номером двадцать девять, собственность Миколы Прача, оценочная стоимость — сто пятьдесят гульденов, вместе со всеми хозяйственными строениями, состоящими из сарая на одну корову и хлева на одну свинью, в покрытие долга Мортку Шиндеру в сумме сорок гульденов, подлежащих взысканию. Объявленная цена — сто пятьдесят гульденов. Кто да вѣнци?» *

Все это выкрикивал хриплым, пропитым голосом, читая по длинному полулисту синеватой бумаги, судебный пристав, исполнявший одновременно обязанности присяжного аукциониста. А прокричав, стукнул несколько раз молотком о положенную на чурбан доску, заменявшую казенный стол.

Хата и хозяйственные постройки, о которых, будто в насмешку, говорилось в описи, представляли собою жалкую хибарку из прогнивших тонких досок на ивовых

* Кто даст больше? (польск.)

столбах, под одной общей крышей, где было больше зеленого моха, лебеды и крапивы, чем соломы.

— Кто да вѣнци? — повторил на своем украинско-польском, якобы официальном, жаргоне пристав. — Объявленная сумма сто пятьдесят гульденов.

Вокруг стояло несколько селян в рваных сермягах и соломенных шляпах, а также два-три грязных еврея. Они переговаривались между собой, оглядывали двор, где все это происходило, но на выкрики пристава никто не отзывался.

А в сторонке, у разваленного плетня, сидел на бревне сам Микола Прач, высокий, лет тридцати пяти человек, худой как щепка, с лицом, изможденным нуждой и болезнью. На коленях у него сидел мальчик лет пяти, прижимаясь к отцу и со страхом поглядывая на чужих людей возле хаты. А рядом стояла жена Прача, с меньшим ребенком на руках, и фартуком утирала слезы.

— Кто да вѣнци? — зывал пристав, оглядываясь. Тут подошел к нему сам Мортко Шиндер и, левой рукой коснувшись ермолки на своей голове, сказал:

— Ну, зачем, прошу пана, давать вѣнци? Я дам сорок.

— Мортко Шиндер дает сорок; кто да вѣнци? Раз! — выкликал пристав.

Никто не отзывался.

— Два!..

Все молчали, слышно было только, как глухо всхлипывала Прачиха.

— Три!

Громкие удары молотка о доску были ответом на этот возглас. Мортко Шиндер за свои сорок гульденов стал владельцем надела и хозяйства, оцененных в сто пятьдесят гульденов, а стоящих по меньшей мере двести гульденов.

— Ну, ты, глупый хлоп, — обратился он к Миколу. — Не говорил я тебе, помирись со мною, отдай мне половину твоего надела? А теперь, видишь, я получил все!

— Бог тебя покарает за нашу обиду, кровопийца! — крикнула, захлебываясь слезами, Прачиха.

— За что меня будет бог карать? Что я не по правде делал? Пусть тебя бог карает, ты, паскудница, ты! Сейчас же убирайся с моего двора!

Прачиха живо утерла слезы и хотела еще что-то

сказать Мортку, но Прач махнул рукой и произнес срывающимся, глухим голосом:

— Оставь его в покое! О чем уж теперь говорить? Ничего не поделаешь! Бог нас покарал, на то его воля... Так тому и быть! Пойдем!

Он встал, взял за руку мальчика и пошел, а за ним, заливаясь слезами, пошла и его жена с малым ребенком на руках.

— Так-то, кум, вот еще одного хозяина как не бывало, — говорили промеж себя селяне на дворе.

— Да, видно, попущение господне на мир христианский!

— Толкуйте, «попущение господне»! — заметил один, несколько лучше других одетый. — Народ сам виноват, и все тут!

— Эх, кум, кум, — ответил первый, — не говорите так. Хорошо, что вас бог благословил, горя не знаете. А бедняк, будь он хоть какой хозяйственный, все же двоих в одну сорочку не оденет.

— Те-те-те, — возразил тот, что побогаче, — все это пустая болтовня. Работать больше надо, сложа руки не сидеть!

— Ой, да разве ж, кум, бедняк не работает — иной раз чуть глаза не лопнут... А какая от того польза? Вот стоим мы тут сейчас, а разве мы знаем, не выпадет ли завтра кому-нибудь из нас то же, что нынче выпало Миколу?

— То же, то же, — ответил тот, что побогаче. — Не бойтесь, с хорошим, порядочным хозяином никогда такое не случится, а все с каким-нибудь непутевым, вот как этот Микола! Толкуйте, что хотите, а я все на своем стою: он сам виноват...

II

Свет велик, а куда деваться бедному, беззащитному? Микола Прач шел по селу, как лунатик, а жена следовала за ним, рыдая и голося, как над покойником. Был душный летний день. Народ работал в поле, и в селе никого не было видно. Жена прибавила шагу и поравнялась с мужем.

— Микола, куда ты идешь?

— В Свичу, — ответил тот угрюмо.

— Боже мой, что ты говоришь!
— Ну, а куда ж теперь итти? Другого выхода нету...
— Сохрани нас господь от этого, Микола! Не говори так! Послушай, вон там живет моя тетка, идем к ней, летом будем работать, а зиму как-нибудь перебьемся.

— А потом?
— Потом... потом опять будем работать и, авось, как-нибудь проживем меж добрых людей.

— Добрых?.. Ну-ну, сто́ит меж них жить! Нет, ничего из этого не выйдет.

И Микола двинулся дальше. Жена схватила его за руку.

— Побойся бога, человеце, что ты задумал? Ведь это грех великий! А меня ты на кого бросаешь? А дети?..

— Ну, останусь в живых, чем я тебе и детям помогу? Глупая,пусти меня!

Но она не пускала и настойчиво тащила его через мостки к теткиной хате.

— Знаешь что... — сказал, наконец, Микола, — если хочешь, ты ступай к тетке...

— А ты?

— Я не пойду.

— Почему?

— Я не могу ни минуты больше прожить в этом проклятом селе! Если силой удержишь меня — повешусь. Так лучше пусти.

— Да куда же ты пойдешь?

— Пойду на заработки, в Людвиковку, на лесопилку.

— На лесопилку? Господь небесный, да ведь ты слаб, как комар! Что ты там сможешь делать?

— Не бойся, что-нибудь уж найду. Там теперь работники нужны, так примут.

— А когда же вернешься?

— Когда заработаю столько, чтобы выкупить свое добро у проклятого Мортка. Не раньше.

Она вытаращила на него удивленные глаза и с тревогой глядела ему в лицо.

— Микола, что ты говоришь?

— То, что слышишь.

— Да ведь это...

Не могла договорить, что-то душило ее, точно в горле застрял камень.

— Будь что будет, но как-то быть должно. Либо заработаю, либо пропаду... На что мне такая жизнь!

Он поцеловал жену и детей и медленным, нетвердым шагом пошел дальше по дороге. Они, плача, глядели на него с мостков, пока он не скрылся за холмом на повороте.

III

Миновал год. Снова лето. С погожего неба солнце осыпает жаркими лучами высокие лысые горы, зеленые мочажины у реки, строения людовиковской паровой лесопилки. Свеча бурлит и разбивается о валуны; на не вырубленных еще склонах млеет хвойный лес, окутанный прозрачной синеватой дымкой. Посреди котловины высится сам завод, как могучей серой стеной окруженный со всех сторон высокими штабелями толстых бревен. Из красной трубы валит дым, раздается пронзительный свист; внутри лесопилки слышно бешеное клокотанье, писк, скрип и лязг паровой машины вперемежку с оглушительным шумом воды и криком рабочих. А вдали, на вершинах гор, звучит там и сям стук топоров и треск срубленных громадных елей.

— Ура! — кричат лесорубы всякий раз, когда падает такой лесной великан, а затем начинается стук, у великана обрубают ветви и по торной колее спускают вниз с горы в реку, а она донесет его прямо к машине. День за днем со всех окрестных вершин несется этот стук и крик, день за днем сотни лесных великанов с треском сползают по голым, каменистым обрывам в долину, чтобы там на воде ожидать, когда придет их черед ложиться под неумолимые железные зубья паровых пил. И изо дня в день четырнадцать соединенных вместе пил, точно четырнадцать громадных неумолимых червяков, грызут кости лесных великанов.

Среди лесорубов вот уже с год работает и Микола. Вид у него еще более изнуренный и худой, но сегодня он рубит с каким-то увлечением, словно ель — его смертельный враг.

«Авось, это в последний раз, господи, авось, в последний раз!» — думает он, высоко замахиваясь топором.

Он сегодня счастлив. В его кожаном поясе, завернутые в тряпицу, лежат надежно спрятанные пятьдесят

гульденон, годичный заработок. Сорок, размышляет Микола, пойдут Шиндеру, а десять на обзаведение. Сегодня вечером кончается его работа, а завтра он идет домой.

И в самом деле, на следующий день, ни свет ни заря, Микола Прач был уже далеко от Людвиковки. Он шел быстро, даже запыхался. Мысли его витали в будущем, не желая и оглянуться назад, где они не встретили бы ничего, кроме нужды и горя.

«Прежде всего пойду к Мортку, — думал бедняк, — выкуплю поле и хату, а тогда уж до жинки... «Пойдем, скажу, пришла пора снова на своей земле устраиваться!»

Эта мысль придавала силы его слабым ногам. Солнце клонилось к закату, когда он дошел до своего села. Сердце забилося у него в груди, едва он завидел изда- лека свою полуразвалившуюся хату и большую корчму на краю села. Из последних сил он поспешил к ней.

— Добрый вечер, Мортко! — крикнул он, входя в корчму.

— Доброго здоровья! А, это вы, Микола? — сказал Мортко. — Где это вы пропадали, что вас так долго не было видно?

— Работал, — ответил Микола. — Слушай, Мортко, я тебе кое-что скажу.

— Ну, что такое?

Микола достал из пояса тряпицу, развязал ее и положил перед Мортком четыре десятки.

— На, видишь! Отдай мне землю и хату.

— Что, что, что? — закричал Мортко и попятился. — Ты хочешь за сорок гульденон купить землю и хату? Ха-ха-ха!

— Не купить, а получить свое обратно!

— Обратно? Овва, как это обратно?

— Я тебе отдаю, что был должен, а ты мне отдай землю и хату.

— Ого-го! Ты, я вижу, Микола, где-то большого ума набрался. У нас так не делается! Мне за этот надел дают триста гульденон. Я хочу четыреста, но тебе отдам за двести пятьдесят. Понял?..

Микола остоленел от этих слов. Мортко, как видно, испугался, потому что шмыгнул за перегородку и запер за собой дверь. В корчме было несколько знакомых се- лян. Они обступили Миколу, заговорили с ним, стали его